

УДК 82-92

Греков В.Н.

Российский православный институт Св. Иоанна Богослова (г. Москва)

КОНЦЕПЦИЯ ЦЕЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ СЛАВЯНОФИЛОВ

V. Grekov

The Russian St. John the Divine Orthodox Institute

THE CONCEPT OF INTEGRITY IN THE PHILOSOPHICAL ESSAYS OF SLAVOPHILES

Аннотация. Статья посвящена ключевой проблеме славянофильской публицистики 1830-1850 гг. – вопросу о цельности человеческого познания, цельности самой жизни. В центре внимания автора полемика между основателями славянофильства И.В. Киреевским и А.С. Хомяковым. Начатый в 1839 г. обмен полемическими посланиями, этот спор продолжался и дальше. Оба публициста пытаются примирить разум и веру, научное и интуитивное познание. В представлении обоих авторов цельность связана с синтезом, но понимается при этом по-разному. Объясняя свои взгляды, публицисты обращаются к древней Руси и в ее жизни ищут подтверждение своих слов. Своеобразие русского, «восточного» просвещения они видят в отсутствии завоевания, особом укладе быта, православной вере. Россия, не испытывавшая влияния греко-римского мира, сохранила сокровенный смысл жизни, целостность духовной и общественной жизни. В статье раскрывается славянофильская идея «истинного просвещения», основанного на слиянии, цельности духовного и материального начала, научного и интуитивного познания. Основываясь на анализе славянофильской публицистики, автор делает вывод о том, что синтез, к которому стремились славянофилы, предполагал как бы двойное познание мира – логическое, научное и на основе воображения, интуиции.

Ключевые слова: публицистика, славянофилы, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, истинное просвещение, цельность, синтез, древняя Русь, история.

Abstract. The article is devoted to the key issue of slavophile essays of 1830-1850s, to the question of the integrity of the human knowledge, integrity of life itself. In the centre of author's attention is the controversy between the founders of slavophilism I. Kireyevsky and A. Khomyakov. Started in 1839, the exchange of the polemic epistles, the dispute went on and on. Both publicists try to reconcile the reason and faith, scientific and intuitive knowledge. In the view of both authors integrity is connected with the synthesis, but it is understood in different ways. Explaining their views, they turn to the ancient Russia and in its life to find confirmation of their words. The uniqueness of the Russian, "eastern" education they see in the absence of conquest, a special way of life, the orthodox faith. Since Russia hadn't experienced the influence of Greco-Roman world, it maintained the innermost meaning of the life, the integrity of the spiritual and social life. The article reveals the slavophile idea of "true enlightenment", based on the joining, the integrity of the spiritual and the material beginning, scientific and intuitive knowledge. Basing on the analysis of slavophile essays, the author concludes that the synthesis, to which strived the slavophiles, supposed the double knowledge of the world – the logical, scientific knowledge, and the knowledge based on imagination, intuition.

Key words: essays, slavophiles, I. Kireyevsky, A. Khomyakov, true enlightenment, integrity, synthesis, ancient Russia, history.

Проблема «Россия и Запад» принадлежит к «вечным» проблемам русской публицистики. Славянофилы рассматривали различия двух культур, противопоставляли все основные элементы, которые их составляли, – от народного характера до задач, поставленных современным просвещением. Особое значение приобретала для них категория цельности, свидетельствующая о полноте и сознательности человеческой жизни, о взаимосвязи всех ее сторон [5, с. 49-56]. Приступая к изданию альманаха «Московский Сборник на 1852 год», они стремились познакомить своих читателей с основными положениями теории национальной самобытности.

Первый том «Московского Сборника» вышел в свет в апреле 1852 г. Он открывался теоретической статьей И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России». К моменту сдачи сборника в печать статья Киреевского еще не была дописана, но ее содержание казалось издателям настолько важным, что они специально оставили для нее место. Однако же после выхода «Сборника» сразу обнаружилось разногласия. Так, редактор сборника Иван Аксаков не соглашался с воззрениями автора и специально написал предисловие, в котором заявлял о существовании различных мнений среди славянофилов*. Однако это предисловие не пропустила цензура. А.С. Хомяков также высказал свою точку зрения, отличную от взгляда Киреевского. Его ответ «По поводу статьи И.В. Киреевского “О характере просвещения в Европы и его отношении к просвещению в России”» предназначался для второго тома «Московского Сборника». Но второй том так и не увидел света, запрещенный цензурой. Среди вызвавших возражения была и статья Хомякова. Напечатать ее удалось только в первом Собрании сочинений, изданном в 1873 г. Между тем, это продолжение спора, начатого еще в 1839 г, когда на записку Хомякова «О старом и новом» Киреевский ответил своей – «В ответ А.С. Хомякову». Поэтому повторный обмен публицистическими посланиями, конечно же, представлял собой попытку не просто возобновить публичный спор, но и вывести его на другой уровень, придать ему остроту.

Напомним, что в 1839 г. оба публициста пытались разобраться в истинности представлений о Древней Руси. В самом начале статьи Хомяков продекларировал свой принцип: «старую Русь надобно угадать» [7, с. 459]. Опираясь на эти слова, и современники, и позднейшие исследователи часто упрека-

* И.С. Аксаков отмечал, что «статья Киреевского очень многих раздражает», что ни он сам, ни его брат Константин, ни Хомяков не подписались бы под этою статьею и, следовательно, не согласны с ней. Опасения Аксакова вызывали предположения некоторых читателей, что статья Киреевского выражает официальную позицию. Об этом же Аксаков писал И.С. Тургеневу. См.: [1, с. 114].

ли Хомякова в предвзятости, нелогичности, склонности к фантазированию. С другой стороны, сами славянофилы декларировали, что их метод – художественный, а не логический. Правда, они оговаривались, что интуиция и образное мышление не противоречат научному познанию, но на эти оговорки никто ни из оппонентов, ни из исследователей внимания не обратил. Противопоставление двух типов мышления – рационального, «формального», и сердечного, «внутреннего», – и легло в основу славянофильского представления о цельности [2, с. 80-83].

Между тем, уже в первой статье Хомяков показал себя скорее как логик, чем как художник. Он показывает два ряда фактов – что было в древней Руси дурного и что хорошего. В одном ряду – факты жизни государственной, политической, например, крамола и междоусобицы боярские, волчья голова Иоанна Грозного, а с другой – грамотность в селах, совестные суды, песни, воспевающие крестьянский быт... «Два воззрения, совершенно противоположные, одинаково оправдываются и одинаково опровергаются фактами неоспоримыми, и никакая система, никакое искусственное воссоздание древности не соответствует памятникам и не объясняет в полноте их всестороннего смысла», – заключает Хомяков [7, с. 458]. Кроме традиционного для философской эстетики недоверия к существующей системе и попытки создать свою собственную систему, но уже всеобъемлющую и всестороннюю, соответствующую **полноте** древнерусских памятников, ничто не задерживает нашего внимания в этом выводе.

На самом деле суждение Хомякова раскрывает самую суть его метода. Вдумаемся: он, как судья, взвешивает два разные ряда фактов, два воззрения, и убеждается в их подлинности. Это важно, поскольку сам процесс сравнения, «взвешивания» подчиняется строгой логике и меньше всего похож на создание художественного образа. (Позднее, в пятидесятые годы, И.С. Аксаков сравнивает художественное, интуитивное познание с рисованием – как будто возьмешь явление, обнимешь его

своим взглядом, поймешь и перенесешь на бумагу). И вот, внушив читателю доверие вполне логичным и последовательным сравнением фактов, Хомяков обращается к смыслу этих фактов, собирается раскрыть их тайную подоплеку. Читатель ждет анализа, расшифровки первоначальных предположений, основанных на известных, но все же весьма ограниченных фактах. Вместо этого публицист ставит читателя, в котором предполагает здоровый скептицизм, в ситуацию выбора. Причем читатель не должен выбирать между двумя рядами фактов – как уже сказано, они оба подлинны. Выбор касается самого пути, по которому шла Россия и по которому теперь ей предстоит идти. Поэтому читатель должен понять полный смысл древнерусских памятников, а через них – и всю древнюю Русь. На самом деле, сравнение невозможно просто потому, что несравнимы сами сравниваемые ряды. Отмечая в древности «постоянное несогласие между законом и жизнью, между учреждениями писаными и живыми нравами народными», публицист убеждает, что одной логикой в постижении древней Руси не обойтись. «Тогда, как и теперь, закон был то лучше, то хуже обычая, и, редко исполняемый, то портился, то исправлялся в приложении». Следовательно, восстановить картину логически невозможно, ее нужно домыслить, угадать. Но *угадать* не значит *подменить*. Это значит дополнить логические наблюдения чувством, интуитивным восприятием отношений и между отдельными людьми, и между условиями в древности, а вовсе не искажать факты. Тем не менее, приступая к этой задаче – угадывания, Хомяков все так же логичен. Он занимается, как сам говорит, сличением всех памятников. На практике это приводило к тому, что он сравнивает «стихии» народной жизни, разграничивая еще живые и уже отжившие. Вот здесь, в этом сравнении и необходима интуиция. «Эти-то лучшие инстинкты души русской, образованной и облагороженной христианством, эти-то воспоминания древности неизвестной, но живущей в нас тайно, произвели все хорошее, чем мы можем гордиться <....> Кое-что сделано;

более, несравненно более остается сделать такого, на что вызывает нас дух, живущий в воспоминаниях, преданиях или символах, уцелевших от древности <....> Чем дальше они оглядываются, тем хуже и безнравственнее представляется им общество. Наша древность представляет нам пример и начало всего доброго в жизни частной <....> но все это было подавлено, уничтожено отсутствием государственного начала <....> Западным людям приходится все прежнее отстранять, как дурное, и все хорошее в себе создавать; нам довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и в жизнь. Надежда наша велика на будущее» [7, с. 462-463].

Хомяков обнаруживает несовпадение в трех сферах жизни – частной, государственной и религиозной. Он пишет, по существу, о цивилизационных различиях между Россией и Западом [6, с. 149-151]. Его цель – найти способ применить хорошие начала частной жизни к государственной и построить и частное, и общественное бытие в соответствии с законами христианскими. Мало этого: он сравнивает эти же три сферы жизни в бытии западной Европы и не находит в европейской древности «ничего хорошего». Разумеется, его слова звучат голословно. Но читатель уже подчинился его логике, он захвачен магией сравнения и действительно дополняет своим внутренним воображением общеизвестные факты русской истории, приводимые Хомяковым. Его не смущает и отсутствие фактов, подтверждающих, что древняя западная история наполнена чем-то дурным. Кажется, автор и сам не замечает своего упущения. Не произнося слова «цельность», Хомяков, в сущности, пишет именно об этой категории. Христианство восточное оказалось слишком слабым, ибо «христианство жило в Греции, но Греция не жила христианством» [7, с. 464].

Противопоставление, только намеченное в статье «О старом и новом», становится основной темой возражения на статью Киреевского. Хомяков подробно исследует судьбу восточного христианства в Византии, соотношение религии, церкви и государства. В самой Византии Хомяков находит некую

двойственность, которая и стала причиной ее гибели. «Эллин поклонялся красоте и, впоследствии, знанию» [8, с. 203]. Византиец же, унаследовав свое просвещение от эллинов, оставался в душе римским гражданином. Он оказался не готов признать и принять «народные стихии», проникшие с Севера. Хомяков говорит здесь о славянах, с которыми Византия заключала союзы, опиралась на их силу, но продолжала угнетать и никак не соглашалась признать равными с собой, гражданами одного государства [8, с. 203-205, 216]. Это и стало причиной падения Византии. Еще более важно, что византиец, как и римлянин, служил внешней правде. Причиной этого раздвоения было раздвоение между законом, с одной стороны, и наукой и словесностью с другой. «Словесность и наука говорили по-гречески; закон долго еще говорил по-латыни» [8, с. 216].

Еще в своем «ответе» А.С. Хомякову И. Киреевский писал в 1839 г., что католичество основано на рассудочности, на односторонности, оно не понимало «философской стороны христианства», не имело ее «в чистом виде» и потому не могло передать церкви восточной» [4, с. 152]. Напротив, в русской церкви всегда жило «то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное направление наукам». Киреевский называет просвещение России внутренним, духовным, сосредоточенным на душе. Католицизм основан на логическом убеждении. Он подменил предание, истинное в силу своей древности и освящения теми лицами, которые сами входили в соприкосновение с евангельскими персонажами, – умозаключением. Точно так же и весь общественный быт Западного мира, по мнению Киреевского, держится только на «понятии об индивидуальной, личной независимости». В статье «О характере просвещения Европы...» Киреевский сосредотачивается на изучении отличий в самом способе мышления восточного и западного мира. Если на востоке важнее всего «правильность внутреннего состояния мыслящего духа», то на Западе – «внешняя связь понятий» [4, с. 274].

Оппозиция внутреннее – внешнее таким образом конкретизируется. Противопоставляются два метода, два подхода к познанию мира. Первый, восточный, предполагает поиск «внутренней цельности духа», стремится добиться такого состояния, чтобы все отдельные силы и виды человеческой деятельности были посвящены одной, высшей, цели, действовали совокупно, слитно. Второй, западный, допускает и даже поощряет разделение, рассредоточение ума по отдельным направлениям, каждое из которых ведет к «последней цели, прежде чем все пути сойдутся в одно совокупное движение» [4, с. 274]. Хомяков же, не соглашаясь вполне с Киреевским, уточняет, что «было раздвоение на земле русской», но оно не носило такого всеобщего характера, как на Западе, было случайным. Преобладало начало цельности, единства. Христианство помогло объединению Руси в единое государство, что произошло без насилия и завоевания, как считал Хомяков. (В этом с ним был согласен и Киреевский, да и другие славянофилы). Хомяков приходит к парадоксальному на первый взгляд выводу, что требование цельности, не подкрепленное полнотой познания и сознательного применения христианства в частной и в общественной жизни России, привело к слабости и неполноте русского просвещения. По мере проявления христианской истины она растет и крепнет в человеке, полагал Хомяков. Поэтому несовершенство эпохи еще не может послужить объяснением или оправданием падения, т. е. церковного раскола на Руси. Причина – в недостаточной просвещенности древней Руси. Хомяков приходит к другим выводам, чем Киреевский. Он не склонен видеть глубины в древнерусской книжности и образованности. И вот почему: христианство древней Руси более соответствовало наружной обрядности, чем по «разумному сознанию» и истинному пониманию веры [8, с. 233-234]. Хомяков уверен, что «все-совершенное начало просвещения требовало жизненной цельности для проявления своей животворящей силы» [8, с. 234].

Это рассуждение вводило читателя в порочный круг: просвещение требовало цель-

ности, но достичь ее можно было только просветившись, очистив свой разум. Разгадка – в сознательном отношении к вере, в воспитании своего разума и своей веры.

Византия, сохранив в целостности христианское начало, не сумела перенести его в общественный быт. В то же время древняя Русь не достигла полноты выражения христианских начал. Хомяков подчеркивает, что это произошло «по слабости духовного верования». Недостаток «цельной жизни», раздвоенность, не позволили преодолеть брожения и достигнуть «положительного христианства» [8, с. 235-236].

Хомяков признает неполноту и несовершенство реального, исторического христианского опыта России. Он противоречит точке зрения Киреевского, считавшего, что «особенность России заключалась в самой полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней» [4, с. 291]. Еще в первой своей статье «Девятнадцатый век» (1831) Киреевский писал, что «в России христианская религия была еще чище и святее» [4, с. 93]. Хомяков в своем ответе Киреевскому, приготовленном для второго тома «Московского Сборника», оспорил оба этих утверждения. Он иронически замечал, что подобная похвала «уже слишком непомерна для земли, которой князья не только беспрепятственно губили ее своими междоусобиями, но еще без стыда и совести опустошали ее мечом, огнем, разбоем союзников, магометан и язычников» [8, с. 213]*.

Обращаясь к чувствам читателей, Хомяков снова подчиняет их своей логике, чтобы в конце концов поставить проблему выбора пути. Западный человек или блуждает в поисках

истины, блуждает безнадежно, или же должен отречься от всего прошедшего и возвратиться к истине. Это один возможный выбор. Другой предстоит истинно русскому человеку: полюбить Русь, «ее прошлую жизнь и истинную сущность, не смущаясь и не соблазняясь никакими случайными и внешними наплывами, которых не мог избежать никакой народ новой истории». Иначе говоря, спасение – в самом чувстве русской народности, в способности отделить случайное от закономерного и не соблазниться, т. е. не испугаться, не отшатнуться от ее несовершенства. Путь, конечно, привлекательный, но само разделение существенного и несущественного, распределение злых начал по разным категориям можно представить и как логический процесс, и как озарение души. Хомяков предпочитал второе, хотя и строил свою статью строго логически.

Еще А. Григорьев отметил парадокс: славянофилы боролись с рационализмом «оружием того же рационализма» [1, с. 172]. Но это наблюдение, как мы видим, отразило не всю полноту построения теории Хомякова: на основе рационалистических, логических доводов и примеров он ставит читателя в такое положение, чтобы тот задумался над проблемой выбора пути.

Какой путь ведет к цельности, к восстановлению и собиранию всех сил человеческой природы, народа, общества? Выяснить это с помощью логики представляется невозможным. Вот почему читателю предстоит довериться интуиции. И у Хомякова, и у Киреевского интуиция не просто дополнение логики. Это, так сказать, второй этап познания, освоения и преобразования мира. Вероятно, можно говорить о том, что познание, не включающее интуицию, представлялось публицистам русского направления односторонним, обедненным.

Синтез, к которому так стремились славянофилы и вне которого они не мыслили ни искусство, ни философию, в действительности представлял собой двойное познание, включающее и логику, и воображение как две стороны, две части, два этапа одного грандиозного процесса — постижения мира.

* Ср. также: Хомяков объяснял слабость веры так: «...Святая Православная Вера, — недовольно еще глубоко и повсеместно проникла в нашу старую Русь, чтобы избавить ее от кровавых распрей и болезненных потрясений, и следовательно, не могло дать ее развитию той стройности и мирной полноты, которые были бы ее несомненным достоянием, если бы большинство наших предков не были христианами более по обряду, чем по разуму. Но тут представляется другой вопрос. Меньшее число не могло ли своею разумною силою управлять неразумие многих?.. но, если не ошибаюсь, в древней Руси разуму не доставало сознания» [8, с. 248].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. – СПб., 1898. – Кн. 12. – С. 109-147.
2. Буланов А.М. Рациональное и сердечное в теории познания и в эстетике славянофилов // Славянофильство и современность: Сборник статей. – СПб., 1994. – С. 77-92.
3. Григорьев А. Народность и литература // Григорьев. Эстетика и критика. – М., 1980. – С. 169-199.
4. Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М., 1979. – С. 439.
5. Песков А.М. «Русская идея» и «русская душа»: Очерки истории русской историософии. – М., ОГИ. 2007 (Нация и культура // Новые исследования: История). – С. 41-56.
6. Романов О.А. Славянофильство в контексте поисков путей цивилизационного развития России // Иван Киреевский: духовный путь в русской мысли XIX – XXI веков (К 200-летию со дня рождения): Сборник научных статей. – М.: Изд. Российской государственной библиотеки, 2007. – С. 137-155.
7. Хомяков А.С. О старом и новом // Хомяков А.С. Сочинения: В 2-х т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 456-470.
8. Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского // Хомяков А.С. Полн. Собр. соч. Изд. 2. – М., 1900. – Т. 1. – С. 197-262.

УДК 82. 31

Кузина А.Н.

Московский государственный университет технологий и управления

ИДЕИ ПОЧВЕННИКОВ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Г. РАСПУТИНА

A. Kuzina

Moscow State University of Technology and Management

IDEAS OF NATIONALISTS IN WORKS BY V.G. RASPUTIN

Аннотация. В статье исследуются традиции почвенников – А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, Ф.М. Достоевского – в творчестве В.Г. Распутина. В основе почвенничества лежит «органическая теория». Ее основные идеи о иерархии мира, о расширении научного познания за счет художественного, о почве как духовной реальности, об «общечеловеческой природе» русского характера нашли продолжение в творчестве современного художника. Автор сосредоточил свое внимание на таких категориях, как почва, община, национальная отзывчивость, национальный характер, актуальных для творчества В.Г. Распутина.

Ключевые слова: В.Г. Распутин, традиции, идеи почвенничества, национальный характер.

Abstract. The author of the article researches the ideas of nationalists expressed by A. Grigoryev, N. Strakhov, and F. Dostoevsky in the art works by V. Rasputin. The nationalist's movement is based on the "organic theory". Its main ideas of world's hierarchy, broadening of scientific knowledge at the expense of artistic knowledge, the ground being both physical and spiritual reality at the same time and the "universal nature" of the Russian character found their continuation in the art works of the modern artist. The author focuses on such categories as ground, community, national sympathy, spirituality and a national character that are pressing for Rasputin's art works.

Key words: V. Rasputin, traditions, nationalist's ideas, national character.

Почвенничество как направление в литературе и общественной мысли сложилось в России в 1850–1860-х годах. А.А. Григорьев, Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, Н.И. Соловьев, П.П. Сокальский являлись главными идеологами почвенничества. Основные положения «органической теории» наиболее четко сформулированы А.А. Григорьевым, Н.Н. Страховым, Ф.М. Достоевским. Значительное место в «органической теории» почвенничества занимает представление о природном, социальном и духовном мире как целостном организме. Н.Н. Страхов подчеркивал: «Части и явления мира не просто связаны, а соподчинены, пред-

© Кузина А.Н., 2011.